

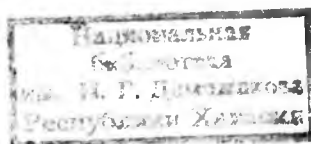

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мунчаев Р.М. Институт археологии РАН сегодня.....	5
Мерперт Н.Я. Из истории Института археологии (к 80-летию его учреждения).....	16
Беляев Л.А., Гуляев В.И. Журнал "Российская археология": проблемы и перспективы.....	32
Амирханов Х.А. Исследования отдела археологии каменного века Института археологии РАН: современное состояние и проблемы.....	38
Абрамова З.А. Верхний палеолит Восточно-Европейской равнины. Итоги и проблемы....	48
Массон В.М., Кирчо Л.Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе).....	61
Дэвлет Е.Г. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений.....	77
Мошкова М.Г. Изучение проблем раннего железного века в Институте археологии РАН в 1989–1998 гг.	86
Плетнева С.А. Группа "Археология евразийских степей эпохи средневековья".....	99
Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги "космической археологии" в России (к дешифровке Маяцкого селища).....	106

Публикации

Сыроватко А.С. Поселения эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья.....	124
Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Клейма Синопы с датами.....	135
Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное).....	144
Гущина И.И., Журавлев Д.В. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму.....	157
Соловьев В.С. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы.....	172
Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия).....	181

24 марта 1999 г. автору статьи, известному российскому археологу, профессору МГУ, доктору исторических наук Л.Р. Кызласову исполнилось 75 лет. Пользуясь случаем, редсовет и редколлегия, редакция журнала "Российская археология" сердечно поздравляют Леонида Романовича со славным юбилеем и желают ему новых успехов на ниве археологии.

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

МАНИХЕЙСКИЙ ХРАМ В КОТЛОВИНЕ СОРГА

(Республика Хакасия)*

"А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком, обещание Господа моего бывает истиной". (Надпись, списанная в 846 г. Салламом ат-Тарджуманом в ущелье Енисея.)

В 1971 г. в межгорной котловине Сорга, расположенной в Батенёвском кряже в верховьях р. Пююр-сух при впадении в нее р. Сорых-сух¹ нами были обнаружены задернованные руины средневекового монументального храмового здания в северном храмовом центре (рис. 1) (Кызласов Л.Р., 1972, с. 296; 1974, с. 209, 210; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1973, с. 222).

Аборигенные обитатели во все времена особо почитали котловину Сорга: именно здесь на протяжении 5000 лет в непо потревоженном виде сохранялись поздненеолитические святилища с каменными изваяниями божеств, созданные древнейшим населением тазминской культуры в начале III тыс. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1986, с. 98–128), поэтому неудивительно, что в эпоху расцвета Древнехакасского государства, когда на Енисее появилось новое вероучение из числа мировых религий, местом сооружения городка с монументальным храмом посередине была избрана все та же священная котловина. Сведения рунических надписей позволяют полагать, что где-то поблизости находилась и одна из основных ставок правителей. Неслучайно зимой 710 г. для того, чтобы уничтожить хакасского Барс-кагана и его армию, войску орхонских тюрок пришлось, после нелегкого перехода через хребты Западного Саяна, скакать еще 150–200 км до Батенёвского кряжа. Именно там, в истоках р. Сон, в долине Сонга (неподалеку от котловины Сорга) произошло тогда решающее сражение (Кызласов Л.Р., 1984, с. 40).

1. Раскопки храма

Древний холм, скрывающий руины храма, оказался вписан в порядок восточной стороны современной Степной улицы железнодорожной ст. Ербинская между домами № 108 и 112, на месте несуществующего домовладения № 110. Этот прямоугольный холм, известный у местных жителей под именем "Большого кургана", был вытянут с запада на восток на 47, а с севера на юг на 39 м. Высота образующих его края валов от окружающей поверхности составила 3 м, а обширной (22,4 × 11,3 м) внутренней западины – 2,25 м (рис. 2 и 3).

"Курган" неоднократно пытались грабить. Следы шурфов в виде шести округлых неглубоких впадин (размерами от 2 × 2,75 до 6 × 6,8 м, 5 × 7 м) видны на валах. Близ юго-восточного угла холма заметна подковообразная грабительская выемка

* Исследование поддерживается грантом РГНФ 98-01-00168.

¹ На картах – рр. Бюрь и Сора. В 5 км к северо-западу на р. Сорых-сух стоит город-рудник Сорск.

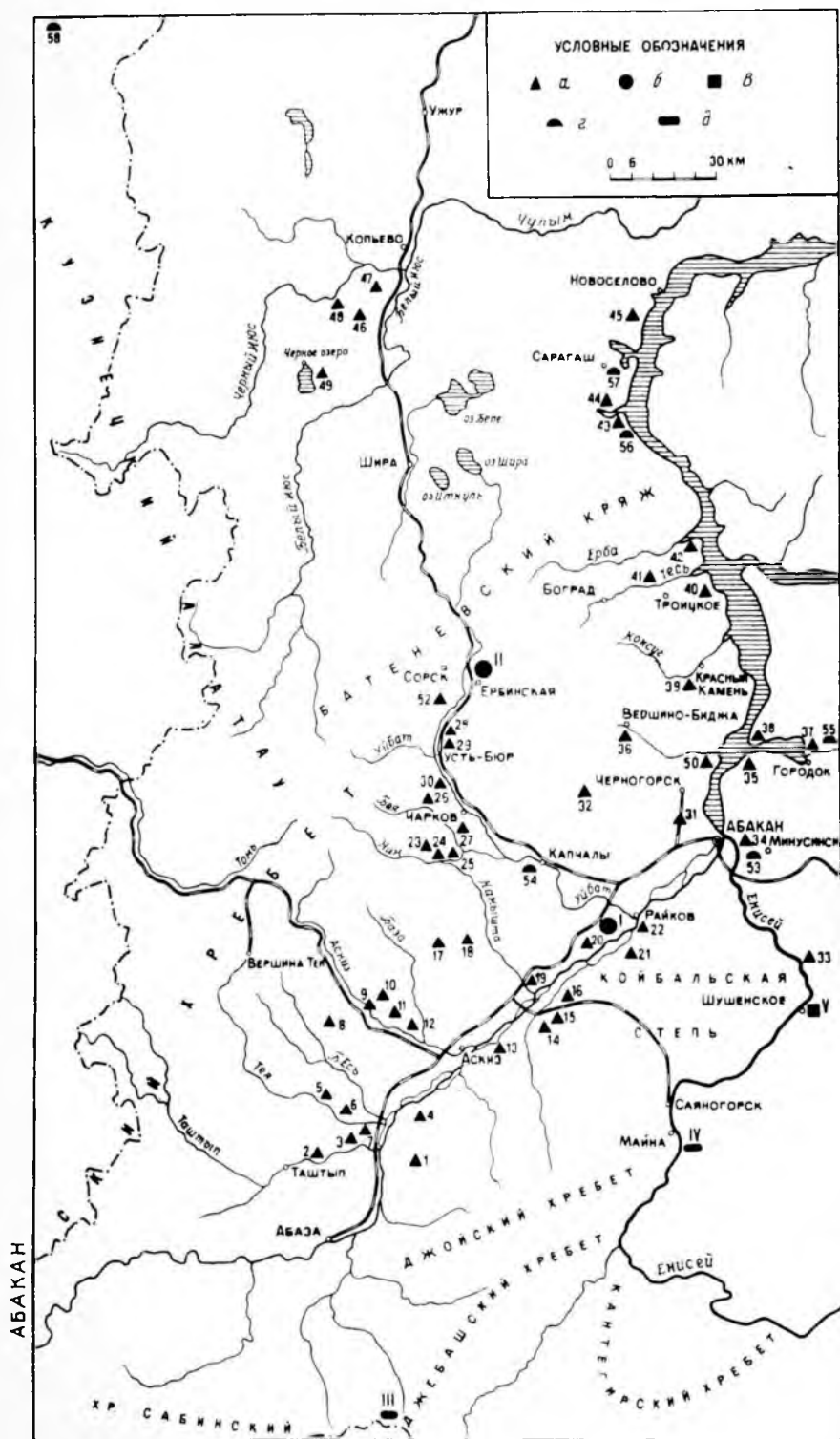

Рис. 1. Карта расположения средневековых городов, крепостей и могильников Хакасии
 а – чагата; б – храмовые центры; в – крепость; г – могильник; д – укрепление

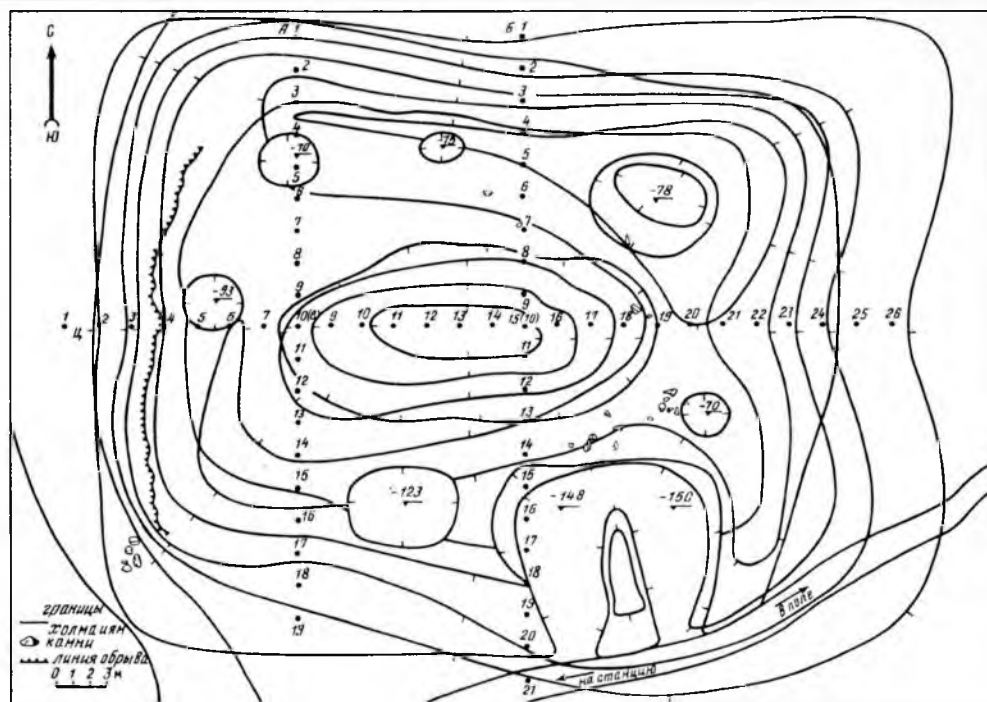

Рис. 2. Храм в котловине Сорга. Нивелировочный план

(14 × 12 м) (рис. 3). В юго-западном углу развалин и на юго-восточном валу разбросаны гранитные глыбы. В целом всхолмление очень напоминало остатки древних среднеазиатских зданий. Сходство подчеркивала фактура стен, имеющих с западной стороны (в срезе, где жители добывали глину) горизонтальную слоистость. В юго-западном углу были видны остатки кладки из сырцовых кирпичей, размером 48 × 24–25–26 × 11 см. Кирпич положен в перевязку по принципу "тычок-ложок-тычок". Под сырцовой стеной в юго-западном углу торчали большие гранитные валуны, лежащие в "фундаменте". В 1971 г. нами был зачищен юго-западный угол холма и выбран небольшой шурф в центре (1 × 1 м до глубины 2 м), который выявил черную однородную засыпку, лежащую на материковом песке.

Следует добавить, что к юго-востоку, юго-западу и запад-юго-западу в 25–30 м от развалин здания, но рассказам местных стариков, еще в 1930 г. были видны три глубокие ямы (до 1,5 м глубиной и 20–40 м в диаметре). Это были, вероятно, карьеры для выемки песка, гравия и глины, разработанные некогда строителями нашего здания.

Такие кирпичные руины в условиях Хакасии уникальны. До нас средневековых монументальных архитектурных сооружений на Среднем Енисее вообще никто не находил. Вокруг близко была тайга и дома строились из дерева.

Через середину бугра с запада на восток была проложена центральная ось из 26 колов, проставленных через 2 м (рис. 4), а с севера на юг пробиты (через 8 и 15 колы) еще две оси А и Б из 19 и 21 кольев. Получилось шесть секторов: четыре западных были раскопаны в 1972 г. (I – юго-западный, II – северо-западный, III – южный, IV – северный), а два (V – юго-восточный и VI – северо-восточный) – в 1973 г. Кроме того, для получения представления о размерах здания по осям были заложены шурфы с наружных сторон бугра.

Здание имело прямоугольную форму и было вытянуто с запада-северо-запада на восток-юго-восток (рис. 5). Наружные его размеры 37,5 × 28,5 м, внутренние – 33 × 24 м. Толщина стен около 2,5 м (точнее – южной и западной стен от 2,2 до 2,4 м;

Рис. 3. Вид руин в начале работ: 1 – с юго-запада; 2, 3 – с северо-запада

северной – от 2,4 до 2,6 м). Стены сохранились на высоту до 2 м, а первоначально возвышались над платформой до 3 м.

Строительство велось следующим образом. Первоначально была расчищена слегка покатая к западу поверхность древней почвы. Затем на ней сооружена массивная прямоугольная платформа, основу которой составляли специально привезенные в котловину огромные гранитные валуны (с небольшой примесью доломитовых камней, гальки и щебенки). Размеры платформы – 41 × 32,5 м, высота 1,5–1,7 м. Она состояла из четырех–шести слоев больших валунов, уложенных в глиняный раствор и переложенных, возможно, пластами дерна (рис. 6, 1). Всюду между валунами выявлен черный гумус (рис. 6, 2). Поверх камней платформа была обмазана жидкой глиной со щебнем. Ее прямые края были глинобитными. Их ограничили по низу прямоугольника опалубкой из продольно уложенных бревен.

Сооружение платформы, быть может, диктовалось не только нормами архитектурного канона, но и сугубо практическими соображениями. Близко расположенные сопки и увалы в период летних и весенне-осенних дождей собирают и обрушивают на центр котловины бурные потоки воды², поэтому средневековые строители, воздвигая сырцовый монументальный храм, поставили его на надежный и высокий каменный подиум, предохранив от размывания дождевыми потоками.

На платформе после просушки, отступив от краев на 1,6–2,5 м, соорудили массивные стены здания из прямоугольного сырцового кирпича, размером 48 × 24 × 10 см (48–45 × 23–25 × 8–10 см, редко 40 × 25 × 10 см; рис. 7, 2). Стены здания сохранились на высоту до 2 м от глиняного пола и свыше 3 м от полотна Стеной улицы (рис. 7, 1). Изнутри они были гладко оштукатурены серым глиняным раствором, перемешанным с соломой, камышом и мелкими прутиками. Толщина обмазки от 1–1,5 до 2 см. Все стены, в том числе куски потолка, упавшие на пол, оказались побеленными тонким слоем извести (рис. 7, 1)³. Таким образом, помещения внутри здания подновлялись и были светлыми и чистыми. Их общая площадь составляла около 800 м².

Во всех секторах (более всего вдоль стен) сохранилось много упавших деревянных балок, матиц, брусьев, досок (рис. 8). Особенно интересны остатки деревянных колонн, имеющих резные параболические капители (рис. 9). Колонны поверх были обмазаны штукатуркой особо плотного состава. Длина одной из колонн 2,45 м. Следовательно, высота потолков внутренних помещений достигала 3 м. Некоторые доски, явно упавшие с потолка, также имели следы односторонней побелки. Очевидно, потолки здания, как и оштукатуренные колонны, были белеными. Внутренние помещения, вероятно перестраивавшиеся, представляли собою пристенные галереи, может быть, разделенные деревянными перегородками и перекрытые общей плоской кровлей. Здание, кажется, не имело окон и в центральный зал свет мог поступать через редкие прямоугольные отверстия в кассетных ячейках потолка. Впрочем, поскольку верх стен был разрушен по всему периметру, нет возможности исключить, что там располагались световые прорезы. Может быть, сверху, в центре плоской крыши, находилось дарбазное перекрытие в виде невысокого полукупола с округлым световым люком.

Многие остатки дерева обгорели при пожаре, особенно бушевавшем вдоль западной и северной стен здания, где прокалились даже упавшие сырцовые кирпичи. Пожары случались от светильников, но последний, по-видимому, произошел уже после того, как здание было покинуто, ибо сами стены и некоторые остатки деревянных конструкций (особенно в III и IV секторах) не несут следов огня. Здесь обнаружено много полусгнивших балок, столбов и досок.

Северная и южная стены имели четыре "суфы" (рис. 5): две узкие, по-видимому, алтарные подставки (рис. 5, северные) и две – очень низкие суфы-пьедесталы (рис. 10)

² Такое наводнение довелось наблюдать дождливым летом 1971 г.

³ Горы вокруг котловины сложены из известняковых пород. В 3 км к юго-востоку от здания эксплуатируется Ербинский известковый карьер.

Центральная ось

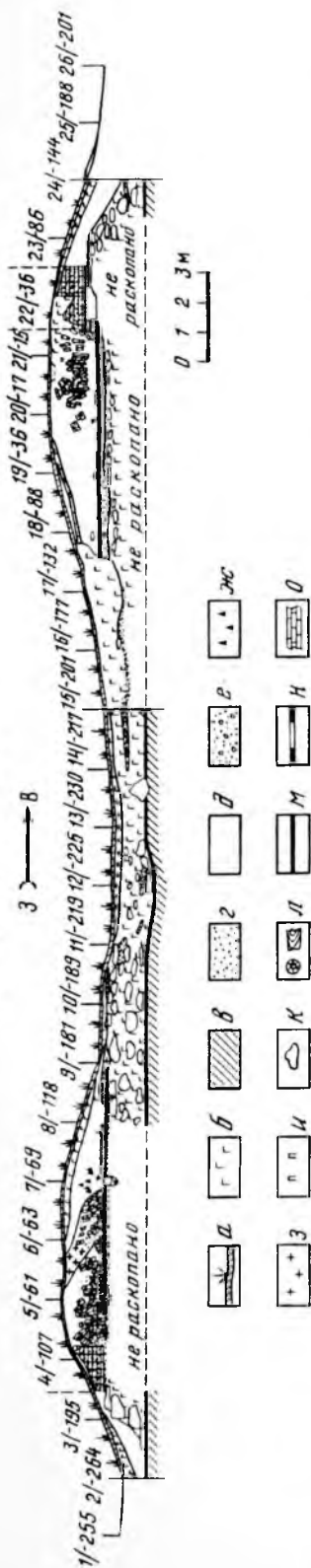

Рис. 4. Общий профиль холма с руинами. Разрез запад-восток

а – кирпич; *б* – гипс; *в* – материк; *г* – кирпич; *д* – оплыв стены (кирпичная крошка); *е* – щебень с песком; *ж* – древесный уголь; *з* – прокаленная почва и кирпич; *и* – заполнение ямы; *к* – камень; *л* – нетерелое дерево; *м* – пол здания; *н* – пол здания; *о* – горелое дерево

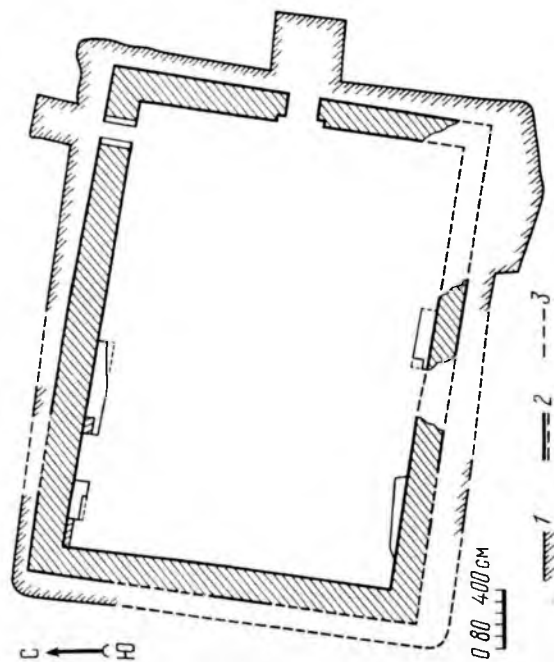

Рис. 5. Общий план храма

1 – край каменной платформы; 2 – границы суф; 3 – предполагаемые края стен и платформы

Рис. 6. Гранитная платформа храма: 1 – восточный край (вид на север от пандуса общего входа), 2 – западный край (вид с запада на бровку и наружную кладку западной стены)

для светильников. Все они сложены из обычных сырцовых кирпичей (48 × 24 × 10 см). Низкие образованы кирпичами, поставленными на ребро (рис. 10, 1). Использовались и половинки кирпичей.

В восточной стене здания находился основной вход, к порогу которого от поверхности земли подымался пологий пандус (длиной 4,75 и шириной 5,25 м; рис. 11). Он также был сооружен из валунов, уложенных в глинобетон, покрыт слоем щебенки и затем промазан глиняным раствором. Широкий дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двери, из двух створок каждая. Одна дверь открывалась наружу, а другая – внутрь помещения, куда опускался короткий пандус. Очевидно, что отремонтированный парадный вход предназначался для одновременного прохождения многих людей (рис. 11).

Другой вход расположен в северной стене, вблизи северо-восточного угла здания (рис. 12). Его проем имел ширину 2 м по верху и 1,3 м по низу. Сохранились два деревянных порога и четыре притолоки, указывавшие на то, что и малый вход имел две двери, разделенные тамбуром. Ко входу с улицы вел пандус длиной 3,4 м и шириной 3,2 м (рис. 13). Этот малый подъезд, вероятно, служил для прохода избранных лиц: первосвященников, жрецов и представителей высшей знати.

Наличие парных дверей и тамбуров в обоих проходах свидетельствует, очевидно, о том, что владельцы храма стремились сохранить в помещениях тепло в холодные весенне-осенние месяцы или зимой. Однако в здании не обнаружено каких-либо следов отопительных приспособлений, что при учете климатических условий Хакасии заставляет предполагать, что здание использовалось преимущественно в теплое время года.

Планировка и весь интерьер уцелевшей части здания подтверждают, что оно не

Рис. 7. Внутренние поверхности стен храма: 1 – оштукатуренная и побеленная часть северной стены; 2 – кладка южной стены после снятия штукатурки

было жилым и предназначалось для торжественных общественных сборов, скорее всего религиозного характера. Храм-дворец содержался в большой чистоте. Судя по подтекам, стены, потолки и колонны регулярно перестраивались, подбеливались. Твердый глинобитный пол (толщиною 7–12 см) подмазывался и подметался. На нем лишь кое-где встречены вкопанные осколки разбитых костей животных и немногочисленные кусочки предметов случайного происхождения: обломки костяной свистульки от стрелы (из II сектора, рис. 14, 1, 2), черепок "кыргызской вазы" (из III сектора, рис. 14, 8), обломки лепного баночного сосуда тюхтятской культуры (рис. 15), кусок шлака, вырезанный из коры березы цветок-роетка (рис. 16, 1). Целыми найдены (в I и III секторах) только два строительных костыля и железная скоба (рис. 14, 6, 7), скреплявшие деревянные конструкции храма.

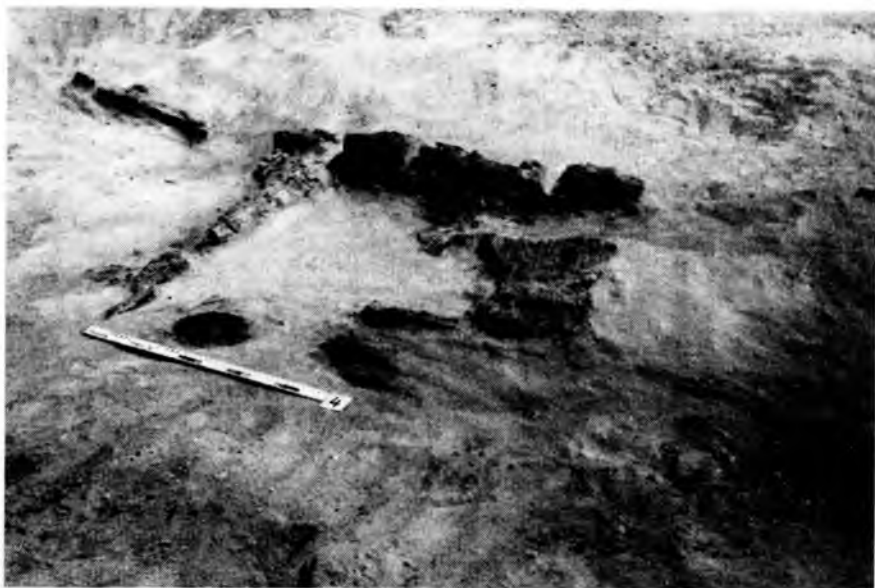

Рис. 8. Остатки деревянных конструкций здания в северном секторе

Рис. 9. Капитель деревянной колонны из юго-западного сектора

Рис. 10. Кладки пристенной суфы-пьедестала в юго-западном секторе:
1 – вид с востока; 2 – вид с север-северо-востока

Можно подозревать, что стены, кроме побелки, имели дополнительные украшения в виде аппликаций цветочного характера, наклеенных на деревянные щиты и разукрашенных разными красками. Уцелевшая часть одного из таких щитов представляла собою две полосы вываренного гибкого берестяного полотнища, некогда скрепленные железными скобочками (рис. 14, 4, 5) и загрунтованные. По грунту когда-то были прописаны многокрасочные композиции, от которых, к сожалению, сохранились лишь голубые и ярко-красные пятна краски, не образующие ничего цельного (рис. 16, 2).

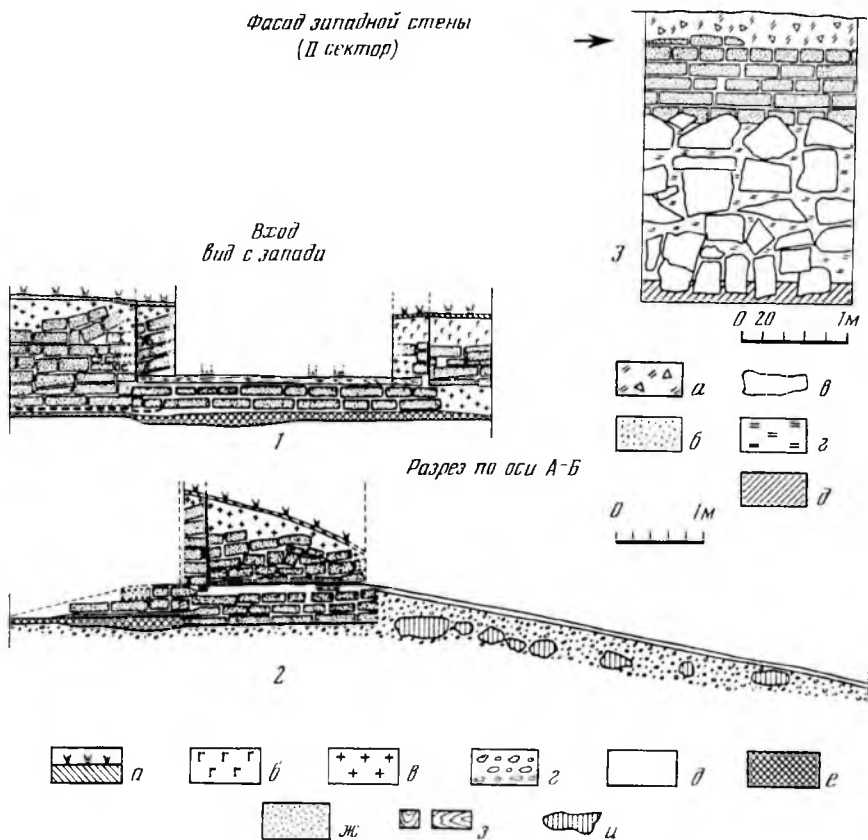

Рис. 11. 1 – фасад выхода восточного входа; 2 – разрез (а – дерн; б – гумус; в – кирпичная крошка с землей; г – гравий; д – глиняный раствор; е – пол; ж – кирпич; з – дерево; и – камень); 3 – фасад западной стены (а – заплыв сырца; б – кирпич; в – камень; г – раствор; д – погребенный дерн)

Нельзя исключить, что в здании изредка проводились общественные трапезы, не обязательно религиозного характера. Среди мелких обломков костей, которые были собраны, оказались не только кости домашних (крупный и мелкий рогатый скот и лошадь), но и диких животных (косуля, горный козел), а также кости двух собак и одной птицы. О том же говорят, пожалуй, обломки баночного сосуда для полужидкой пищи и черепок от вазы, применявшейся для сохранения спиртных или шипучих напитков (рис. 14, 8; 15).

2. Датировка и культурная принадлежность здания

Находки позволяют довольно точно установить время строительства здания и примерный период его функционирования. Дело в том, что черепок от сделанной на кругу вазы покрыт горизонтальным прямоугольным двухполосным орнаментом, нанесенным обычным для таких изделий способом – путем прокатки цилиндрического штампа поперек туловища сосуда (рис. 14, 8). Строго говоря, вазы с таким узором употреблялись в Хакасии в период копёнского этапа культуры чаатас (VIII – начало IX вв.) (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 48; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 22, табл. IV). Именно в VIII–IX вв. подобный орнамент встречается и на вазах уйгуров в Туве (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 97, 2–4, 124, 5, 129, 4). Позднее вазообразные сосуды украшались уже другими орнаментальными мотивами (Кызласов Л.Р., 1981б, с. 57; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 47–52).

Рис. 12. Дверной проем малого входа и кладка угла. Вид изнутри, с юго-запада

Баночные сосуды с насечками по венчику и треугольными свисающими от шейки фестонами (рис. 15) характерны уже для последующей тюхтятской культуры (от 40-х годов IX в., до последней четверти X в.) (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 50; 1981б, с. 55; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 49, табл. XII–XIII). Под влиянием носителей тюхтятской культуры точно такие же скромные баночные сосуды с насечками по венчику и с зигзагообразным или треугольно-фестонным орнаментом стали распространены в IX–X вв. среди тюркоязычных племен предгорий Алтая, Тувы, Монголии и хойцгорской культуры в Западном Забайкалье (Кызласов Л.Р., 1981в, с. 60, 61, рис. 35).

Таким образом, можно заключить, что здание в котловине Сорга было сооружено еще во второй половине VIII (до рубежа IX в.) и продолжало существовать в IX–X вв.

В то время как описанная посуда принадлежит к местным типам, строительные приемы и материалы (сырцовый кирпич размером $48 \times 24 \times 10$ см), архитектурные детали и формы деревянных колонн отражают внешнее влияние. Они позволяют заключить, что исследованное нами монументальное здание в котловине Сорга воздвигнуто строителями, принадлежащими к западной для Южной Сибири школе среднеазиатского, а не дальневосточного зодчества. В раннесредневековой Средней Азии и, что специфично, в Согде в VII–VIII в. весьма распространено было сооружение сплошных оснований и платформ в качестве подиумов для монументальных сырцовых зданий. В горах и предгорьях сплошной цоколь–платформу там также сооружали из камня, укладывая его в гравий и в глиняный раствор (Воронина В.Л., 1953, с. 5, 16, рис. 6 и 13). Высота платформ достигала 2 м. Сырцовые стены ставились на цоколь, отступая от края, придавая краям платформы характер террас (Воронина В.Л., 1953, с. 3–6). Сверху по забутовке из гальки и булыжника намазывался глиняный пол. Стены храмовых и общественных зданий также имели толщину в 2–2,5 м. "Согдийский" тип прямоугольных сырцовых кирпичей в VII–VIII вв. укладывался цепной кладкой и имел подобные же размеры $45\text{--}44 \times 25\text{--}23 \times 6\text{--}12$ см, но чаще всего – $48 \times 24 \times 9\text{--}10$ см (Пенджикент, Тали-Барзу, Ак-Тене, 1 буддийский храм

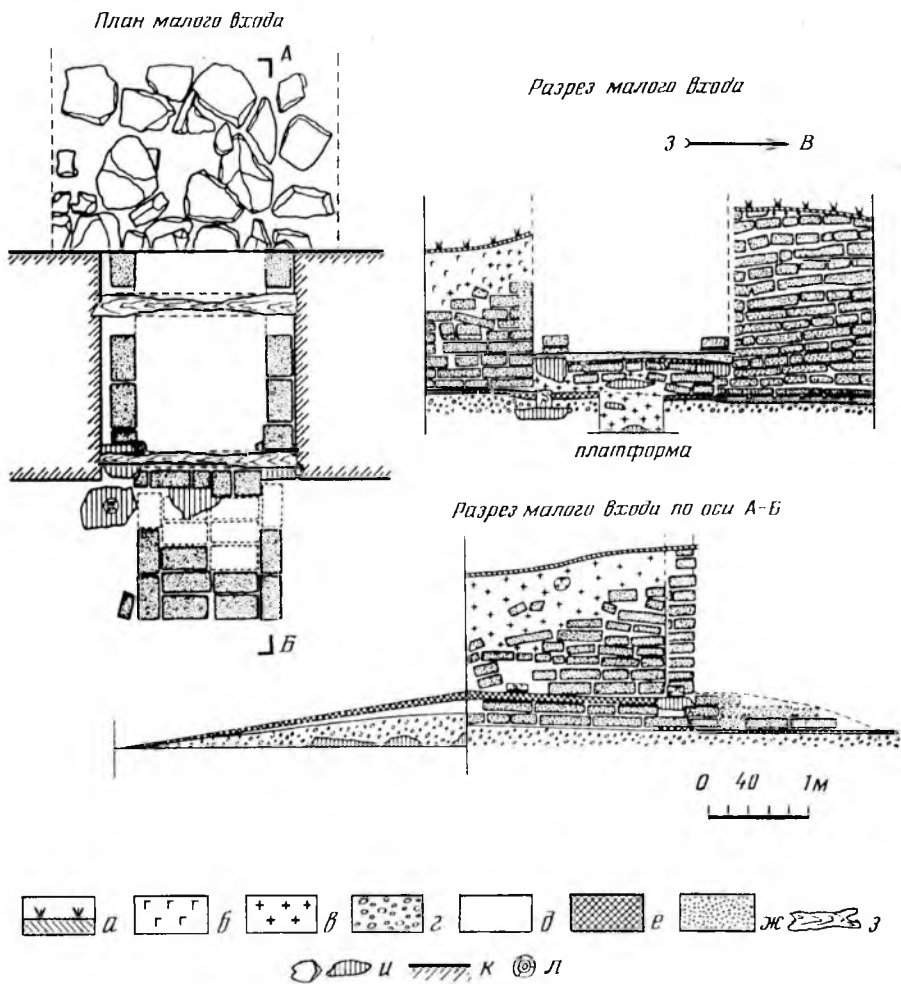

Рис. 13. План и разрезы северного входа
 а – дерн; б – гумус; в – кирпичная крошка; г – щебень; д – глиняный раствор; е – пол;
 ж – кирпич; з – дерево; и – камень; к – граница стен; л – столбы

Ак-Бешима и др.) (Воронина В.Л., 1953, с. 8, 9; Кызласов Л.Р., 1959, с. 166–168, 195, 230; Якубовский А.Ю., 1954, с. 12). Внутренние части стен зданий штукатурились глино-саманным раствором или белым алебастром. Потолки укладывали на деревянные балки, которые в галереях опирались на резные деревянные колонны, весьма близкие по форме к обнаруженным в публикуемом храме (рис. 9).

Из других архитектурных особенностей необходимо отметить пандусы, широко применявшиеся вместо лестниц в храмовых, общественных и жилых зданиях Средней Азии, в особенности в Согде и Семиречье в VII–VIII вв. Нередко по такой наклонной плоскости поднимались даже на вторые и третьи этажи. Входы часто имели тамбуры и двойные двери.

Таким образом, все архитектурные и строительные особенности здания, открытого и исследованного нами в верховьях р. Пююр-сух, полностью соответствуют канонам архитектурной школы, господствовавшей в разгар VIII в. в Согде (от южных районов Семиречья до верховьев р. Заравшан). В IX в. строительные материалы там изменились.

Как видим, и характер находок, и бесспорные архитектурно-строительные параллели

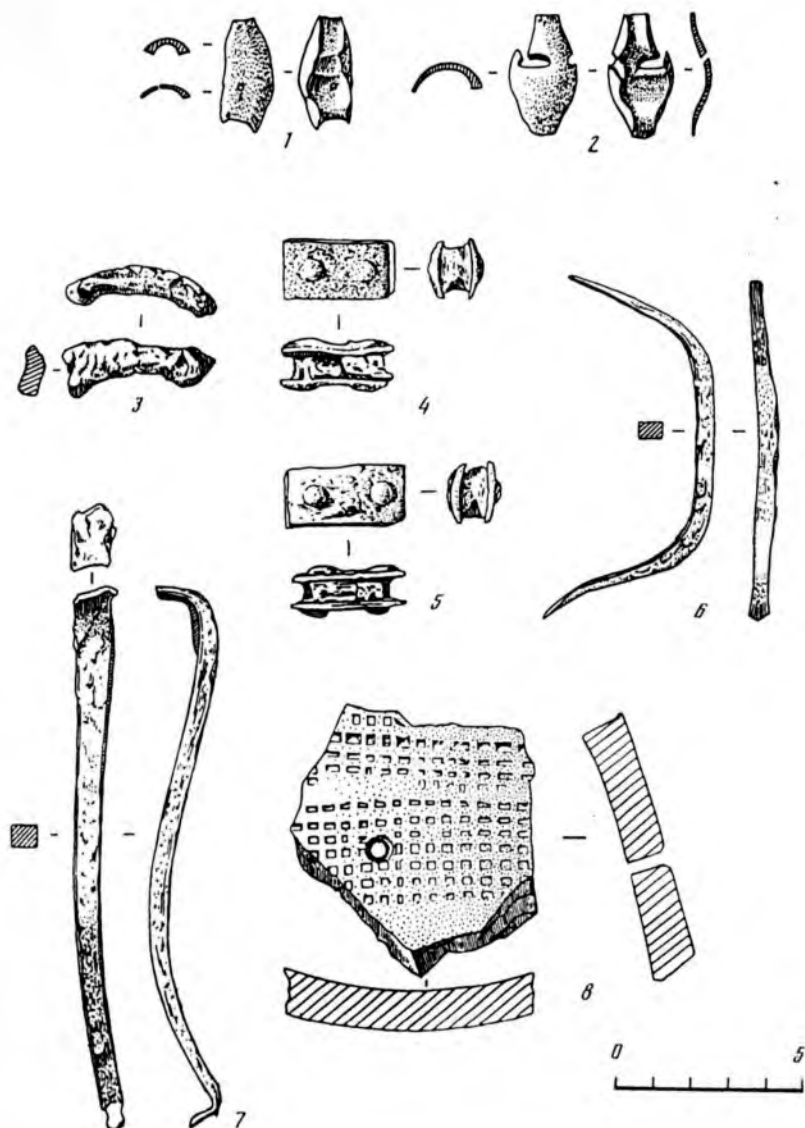

Рис. 14. Находки из храма в котловине Сорга: 1, 2 – кость. 3 – бронза. 4–7 – железо, 8 – керамика

ли определенно указывают, что монументальное здание в котловине Сорга было сооружено во второй половине VIII в. и функционировало в IX – начале X в. Напрашивается предположение, что архитекторами и строителями столь необычного для Южной Сибири здания являлись заезжие согдийцы. Попали же они на Средний Енисей, по-видимому, через Туву, ставшую в 750 г. уйгурским владением (Жызласов Л.Р., 1984, с. 48–52), а в 758 г. – с завоевателями уйгурами.

Наличие прямого среднеазиатского воздействия на градостроительное искусство населения Саяно-Алтайского нагорья в период раннего средневековья, прежде всего участие самих согдийцев в строительных работах, не может вызывать удивления. В VI–VIII вв. в каганатах восточных тюрок уже жило довольно много согдийцев (Pulleyblank E.G., 1952). Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось во время господства уйгуров. Как известно, в середине VIII в. согдийские колонисты развили особую активность в Семиречье, в Восточном Туркестане и на севере

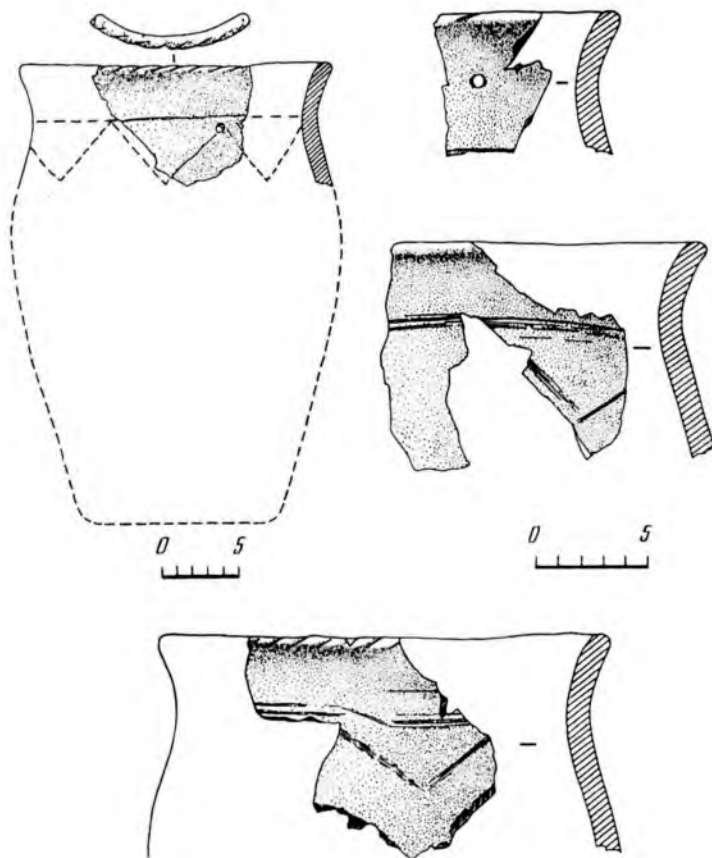

Рис. 15. Обломки баночных сосудов, найденные в храме

Центральной Азии в самом Уйгурском каганате. В Китае они возглавили мощное антифеодалное восстание 756–759 гг., направленное против правящей Танской династии.

В 750–758 гг. в захваченной уйгурами Туве по распоряжению кагана шло крупное строительство целой системы пограничных крепостей и укреплений, соединенных длинными глинобитными стенами. Их внутренние цитадели были сооружены из сырцового кирпича того же "согдийского" формата: $42\text{--}44 \times 20\text{--}23 \times 10$ см (Кызласов Л.Р., 1979, с. 145–158; 1984, с. 47–52)⁴. Остатки уйгурских крепостей в Туве прежде всего напоминают среднеазиатские турткули. Мы располагаем прямыми указаниями письменных источников о привлечении уйгурскими каганами к массовому строительству согдийцев. В выполненном орхонским письмом памятнике Элетмиш Бильгекагана (Моюн-чур) говорится, что каган в 757 г. "согдам и табгачам (китайцам – Л.К.) дал приказ на берегу Селенги построить город Бай-балык" (Малов С.Е., 1959, с. 43). В развалинах уйгурской столицы Орду-балык (городище Харабалгас на р. Орхоне) был обнаружен памятник, поставленный в честь кагана Бао-и (808–821 гг.) с надписями, среди которых имеется текст и на согдийском языке (Hansen O., 1930). Памятник, следовательно, был рассчитан на то, чтобы его читали не только уйгуры и тюрки, но и жившие в городе и приезжавшие в него согдийцы. Вполне понятно, что согдийские архитекторы и строители применяли свойственные им среднеазиатские

⁴ В Турфанском оазисе, где в средневековых развалинах найдены манихейские и иные рукописи, сырцовые здания также строились из кирпича размером $46 \times 23 \times 14$ см, штукатурились и белились известью (Gabain A. von, 1973, S. 79).

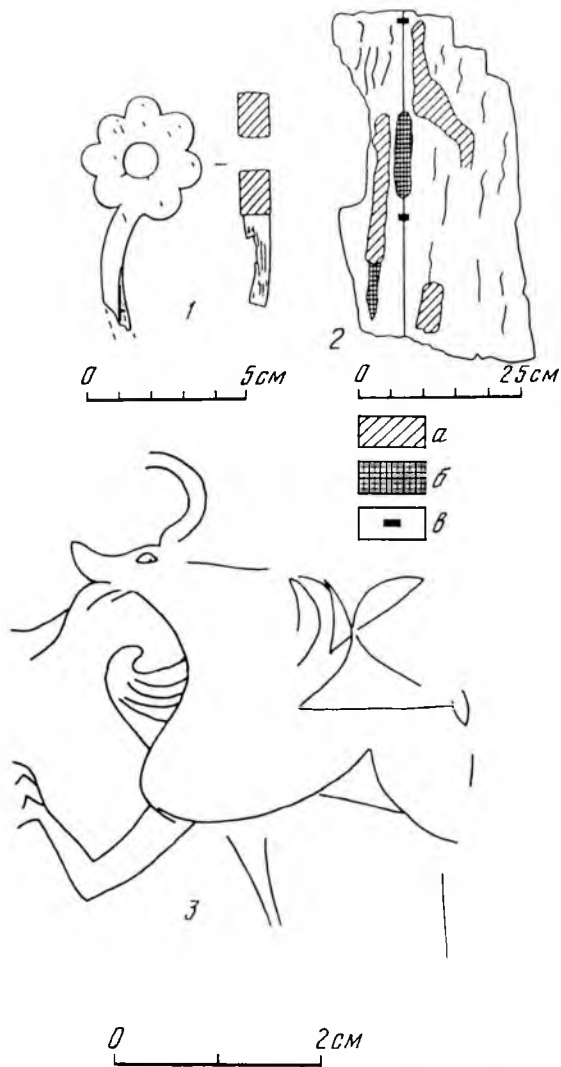

Рис. 16. Элементы оформления храма в котловине Сорга (1, 2) и манихейское изображение бога Зла (3) на скале Ялбак-Таш в Горном Алтае (по В.Д. Кубареву)
a – ярко-красный цвет; *б* – голубой цвет, *в* – железные скобочки

приемы и материалы. Весьма вероятно, что согдийцы также принимали участие в строительстве городов и крепостей в Туве еще при том же Элетмиш Бильге-кагане (Кызласов Л.Р., 1964, с. 419, 420). К работам такого рода, требовавшим больших усилий, в эту эпоху, несомненно, привлекались прежде всего рабы, взятые в плен во время неоднократных походов уйгурских войск в Восточный Туркестан, в Семиречье и Фергану (Кызласов Л.Р., 1964, с. 419, 420). Именно согдийцы-колонисты расселились в то время по указанным странам. Большинство из них исповедовали манихейскую религию, хотя некоторые были зороастрийцами.

Можно полагать, что с оставшимися строителями-согдийцами встретился в 40-х годах IX в. в Туве арабский путешественник Саллам ат-Тарджуман (буквально: Саллам-переводчик), который рассказал об этом так: "Затем мы достигли крепостей (уйгурских – Л.К.) (построенных) рядом с горой (Западным Саяном – Л.К.), по ущельям

которой проходила стена. В этих крепостях (живет) народ, говорящий по-арабски и персидски" (Ибн-Хордадбех, 1986, с. 130; Кызласов Л.Р., 1993, с. 26). В то время на Енисее это могли быть только согдийцы.

Если будем исходить из того, что пришлые из Уйгурского каганата строители возвели в котловине Сорга манихейский храм (а для этого есть все основания, которые будут приведены в следующем разделе), то возникает возможность уточнить датировку этого строительства, полученную по археологическим данным, но уже при учете политических событий второй половины VIII в. Еще Элетмиш Бильге-каган (747–759 гг.), находясь в Туве и построив крепости и Долгую стену, подготовил поход за Саянские хребты в Хакасию. Нападение было осуществлено в 758 г. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 355; Кызласов Л.Р., 1984, с. 30). Военная схватка закончилась поражением Древнехакасского государства, но не полным разгромом его. Признание верховной власти уйгуров не ограничилось, очевидно, откупом в виде дани, ибо государь древних хакасов получил особый принижающий титул от Элетмиш Бильге-кагана, т.е. принял вассалитет. И хотя Элетмиш Бильге-каган умер в 759 г., но вторая половина VIII в. прошла для древних хакасов под сенью уйгурского административного и, главное, культурного воздействия. Возможно, это было подкреплено присутствием к северу от Саян самих уйгуров. Судя по палеографическим приметам, именно в 50-е годы VIII века в Хакасии был начертан единственный известный на Среднем Енисее памятник младшей орхонской письменности – государственной в Уйгурском каганате (745–840 гг.) (Кызласов Л.Р., 1997).

Поход 758 г. впервые открыл свободу продвижения в Хакасию через Туву восточно-туркестанских и согдийских купцов, строителей и согдийских миссионеров-манихеев. Бассейн Среднего Енисея стал самым северным районом земного шара, в который когда-либо проникала пропаганда манихейского вероучения. Еще недавно никто из ученых не смог бы даже предположить, что манихейцы некогда сочли за благо построить свой храм в таежной глухомани неведомого им ранее Батенёвского края.

Едва ли, однако, древнехакасские правители приняли манихейство раньше уйгуров. Государственной религией провозгласил манихейское учение уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёгю-каган, 759–779 гг.), возвратившись в Орду-балык на р. Орхоне из китайского похода в 763 г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском г. Лояне (Chavannes Ed. et Pelliot P., 1913). Спустя 16 лет после утверждения новой веры в 779 г. в Орду-балыке произошел антиманихейский переворот. Бёгю-каган, его сыновья, множество согдийцев, среди которых были манихейские вероучителя, были убиты. Власть перешла в руки отдаленного родственника прежнего кагана, воцарившегося под именем Алп Кутлуг Бильге-кагана (780–789 гг.). В это время, по-видимому, многие приверженцы религии Мани спаслись, убежав на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., власть взяла новая каганская династия во главе с Алп Кутлугом (795–805 гг.). Манихейская религия была вновь восстановлена в Орду-балыке на государственном уровне.

Вкупе с приведенными фактами пребывания уйгуров на Среднем Енисее в 50–60-е годы VIII в. описанная ситуация позволяет считать, что храм при устье р. Сорых-сух в Хакасии построен скорее всего в эпоху высшего подъема Уйгурского государства еще до гибели Бёгю-кагана, т.е. в середине 60-х годов VIII в. Позднее этого манихейство изгонялось, и его преследователь Алп Кутлуг Улуг Бильге-каган (790–795 гг.) вел войну с древними хакасами. Строительство храма и монастырского манихейского городка ознаменовало не только утверждение манихейской религии в качестве государственного вероучения Древнехакасского государства. В этих условиях оно утверждало его суверенитет. Именно это обстоятельство вызвало большой гнев уйгурского Алп Кутлуг Бильге-кагана. Согласно согдийскому тексту Орду-балыкской стелы (к сожалению, дефектному), "Государственную мощь он повсюду энергично укрепил и доблестные совершил геройства (Лучников?). – в количестве 200 000, – киргизского кагана разогнал он одной рукой во все направления друг от друга и взял его госу-

дарство". В иероглифическом китайском тексте той же стелы сказано, что уйгурский "чудесновоинственный" каган разгромил более 400 000 воинов хакасов (гяньгуней) и убил их кагана: "коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились, на земле не (стало) живых людей" (Hansen O., 1930; Васильев В.П., 1897, с. 25). Очевидная тенденциозность не позволяет доверять текстам этого памятника. Китайская летопись Танцзу о том же событии сообщает: "Уйгурский каган послал министра с войском, но сей не имел успеха" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 355). Таким образом, в стране хакасов не только остались "живые люди", но и сохранилось государство, имевшее силы начать двадцатилетнюю кровопролитную войну (820–840 гг.), которая закончилась ликвидацией Уйгурского государства в Центральной Азии.

3. Манихейская принадлежность храма

Итак, соседнее уйгурское государство, активно воздействовавшее на древних хакасов с середины VIII в., было манихейским. Храм, построенный в это время в котловине Сорга, возведен по согдийским архитектурным нормам, а большинство из восточных согдийцев также были манихеями⁵.

Изучение истории манихейства, развития его доктрины и созидания всей архитектоники этого многосложного вероучения, вобравшего многие элементы великих мировых религий (христианства, буддизма, зороастризма, митраизма, гностических течений) и свободно включавшего в себя местные языческие культы, показывает, что первоначально оно отвергало сооружение специальных храмов. Самому Мани (216–276 гг.) приписывается высказывание: "Молитва, обращенная к Богу, не нуждается в храме" (Беленицкий А.М., 1954, с. 64). Поэтому поначалу архитектурная форма здания для собраний манихейской общины не имела особого значения, и манихеи нередко использовали богослужебные помещения других религий. В результате западное манихейство храмового зодчества не создало. Манихейская церковь в Испании, например, размещалась в обычной христианской капелле со сводами, аркой и алтарем.

Восточные манихеи храмы сооружали. Но их облик все еще остается неизвестным. Специально исследовавший этот вопрос А.М. Беленицкий 40 лет назад писал: "...манихейские храмовые постройки обнаружены во время раскопок в Восточном Туркестане, но планы их, насколько я знаю, или не зафиксированы, или же до сих пор не опубликованы... письменные источники не содержат почти никаких сведений относительно характера этих храмов" (1954, с. 65). Положение не изменилось и сегодня. Глубоко изучивший археологические особенности и архитектуру среднеазиатских и восточнотуркестанских храмов, относящихся к различным религиям, Б.А. Литвинский вынужден признать: "О планировке и устройстве манихейских монастырей мы знаем ничтожно мало" (1996, с. 192).

Вместе с тем несомненно, что в "Турфанских руинах возможно отождествить прежние манихейские культовые залы и монастыри, поскольку давно известны надежные их показатели – найденные на месте многочисленные рукописи и настенные росписи этой религии" (Gabain A. von, 1979, S. 102). Станным образом, однако, ни одна из работавших там экспедиций этого не сделала – даже наиболее результативно работавшие германские ученые. Чем же это можно объяснить?

Археологи, изучавшие Восточный Туркестан в начале XX в., мне кажется, повинны в том, что прилагали все усилия к снятию планов и фиксации наиболее эффективных буддийских наземных и пещерных храмов, вихар (часовен), ступ, статуй и фресок. Но, выбирая содержимое манихейских молелен и монастырских помещений, они не снимали их планов и не составляли чертежей из-за архитектурной обыденности, внешней простоты и непохожести этих святилищ на помпезные храмы других религий. Не до

⁵ В 1954 г. автором было раскопано в Семиречье, на городище Ак-Бешим, особое манихейское кладбище (объект III). См.: (Кызласов Л.Р., 1959, с. 160, 230, 231, 237).

конца понимая, с чем они имели дело, археологи сэкономили силы для важнейших, с их точки зрения, памятников погибающего средневекового искусства (см.: Reuter O., 1938, p. 560).

А.М. Беленицкий, ссылаясь на манихейский "катехизис", сохранившийся в китайской записи, приводит "перечень помещений, которые должны были быть, по-видимому, при каждом храме" (1954, с. 65). Их пять: для священных книг и изображений, для поста и толкований, для молитвы и покаяния, для обучения (школа), для больных верующих (лечебница). Речь здесь, очевидно, идет не о единственном здании, а о целом храмовом комплексе построек. Такой, окруженный стеной прямоугольный комплекс (55 × 76 м) с примыкающими к нему изолированными постройками, был раскопан в центре Кочо экспедицией А. Грюнведеля. Обращает на себя внимание прямоугольность основных строений, среди которых имеется "прямоугольная постройка", состоящая из трех смежных залов, неодинаковой площади". А. Грюнведель предположил, что это "здание предназначено для религиозных праздников", но А. Леккок считал, что оно служило культовым целям, указав на бытование специального термина: "в уйгурских манихейских текстах такие здания именовались *čaidan* "обрядовый зал" (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 530). С.Е. Малов слово "чайдан" уверенно переводил словом "храм" (1951, с. 375).

Сегодня ясно, что раннесредневековые манихейские храмы, архитектуру и планировку которых придется еще выделить среди разнородных храмовых зданий древнего Восточного Туркестана. были простыми, прямоугольными, особо не выделявшимися среди жилых и служебных построек⁶.

Таким простым прямоугольным в плане является и исследованный нами в котловине Сорга древнехакасский храм. Получается, что этот, действовавший в VIII–X вв. в Южной Сибири храм оказался первым археологически изученным и зафиксированным храмом манихейской религии.

Возможно, однако, что у манихеев, в связи с их ориентацией на местные культы, которые они в той или иной степени адаптировали, имелись и другие формы храмовых зданий. Замечено, что в Восточном Туркестане, где манихейское вероучение подверглось сильному воздействию буддизма, манихеи использовали под свои молельни старые буддийские постройки. Тогда в уйгурских гимнах появился Мани-бурхан, а в настенных росписях стали рисовать Мани сидящим на лотосовом пьедестале, подобно Будде. Цветок лотоса стал священным и для манихейцев (рис. 16, 1).

Следует принять во внимание, что форма манихейских храмов зависела не только от внешнего влияния. Со времени возникновения в манихействе значительное место получили астральные культы, и "люди в белых одеждах" (как обычно звали манихейцев в Средней Азии) скоро стали астрологами-звездопоклонниками и астрономами. А так как астрологов, по их вере, называли сабейцами, то и манихеев тоже стали называть в Средней Азии этим именем. Так их зовет, например, Абурайхан Бируни, отмечая, что в его время (в первой половине XI в.) община последователей Мани, "... членов которой называют сабиями", существует в мусульманском Самарканде. Затем он добавляет: "Что же касается немусульманского мира, то веру в Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии" (Бируни А., 1957, с. 213).

«Наиболее компактное и раннее описание сабейских храмов – поясняет А.М. Беленицкий. – мы находим у Масуди (X в. – Л.К.): "А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души – это здания, круглые по форме. Храм Сатурна – шестиугольный, храм Юпитера – треугольный, храм Марса – прямоугольный, храм Солнца – квадратный, храм Венеры (имеет форму) треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлиненного прямоугольника, а храм Луны – восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят симво-

⁶ Прямоугольными в плане по сути являются и христианские, несторианские церкви Туркестана (Кызласов Л.Р., 1959, с. 232, рис. 56; Пугаченкова Г.А., 1954, с. 15–18).

лы и тайну, которую они скрывают"» (Беленицкий А.М., 1954, с. 65; Булатов М.С., 1988, с. 17).

Восприняли ли восточные манихейцы столь же символическое отношение к внешней архитектурной и планировочной форме своих храмов? Сооружали ли они различные по конструкциям и плану храмы, посвященные божествам, связанным с разными светилами? Все это до конца еще не выяснено. Но наш опыт раскопок в Хакасии прямоугольного храма VIII–X вв. в котловине Сорга был продолжен в 1974–1981 гг. раскопками в стенном "Уйбатском городе" квадратного колонного зала (размером 22 × 22 м) с сырцовыми стенами (высотой 4 м), кровлю которого поддерживали 169 деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы. Этот необычный архитектурный памятник действовал в VIII–IX вв. одновременно с храмом в котловине Сорга (Кызласов Л.Р., 1998, рис. 5).

Образовалось как бы два центра: столичный (зимний) город в низовьях Уйбата и храмовый (летний) в верховьях р. Пююр-сух (рис. 1).

После разрушения колонного зала над ним, во втором ярусе, был сооружен квадратный храм без жесткой кровли с круглым святилищем "барабаном" и алебастровым квадратным алтарем посередине. Этот храм действовал в IX–X вв., очевидно, по ночам при звездном небе, являясь редким святилищем астрального, космического культа (Кызласов Л.Р., 1998, рис. 7).

В Хакасии нами открыты и исследованы сразу семь монументальных манихейских культовых памятников и пять деревянных – все они нуждаются в дальнейшем весьма серьезном изучении. Но уже сейчас, при учете вновь открывшихся обстоятельств, можно констатировать, что в архитектуре северные манихейцы сохранили и развили те идеи, которые они почерпнули от своих предшественников – звездопоклонников сабейцев Ближнего Востока. И едва ли правильно в науке говорится безоговорочно о том, что «восточное манихейство было "облачено в буддийские одеяния"» (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 528).

Исходя из приведенных сабейских характеристик типов планов храмов, посвященных отдельным богам, можно полагать, что прямоугольный храм в котловине Сорга был посвящен божеству планеты Марс, которого (согласно Абу Дулафу) древние хакасы не только почитали, но и особенно опасались, считая "дурным предзнаменованием" (Йакут ал-Хамави, 1988, с. 82). В Уйбатском городе основной квадратный "Колонный зал" должен был быть посвящен богу Солнца, а подзвездное верхнее святилище (с круглой эстрадой и алтарем, к которому вела лестница из трех ступеней) являлось храмом Миропорядка, т.е. Мироздания.

Такое истолкование храмов согласуется с политической ситуацией того времени. Начиная с середины VIII в., после уйгурского погрома 758 г., именно Марса надо было замаливать и умиловать древним хакасам. Ведь Марс и у манихеев славился не только как Царь Света, но и как Бог Войны. Древнехакасское государство, все его население и ближайшие союзники (в Туве, на Алтае, Восточном Саяне, на Оби, Енисее и Ангаре) вступили в полосу затяжного и изнурительного противостояния силам Уйгурского каганата, отмобилизованным к войне 755–757 гг. в Китае и Восточном Притяньшанье. На протяжении свыше 90 лет, до конца 40-х годов IX в., тянулась беспримерная война, в которой (редчайший случай в истории Центральной Азии) два тюркоязычных государства, первыми объявившие манихейство своей официальной религией, боролись насмерть. Государство уйгуров было сокрушено, народ бежал со своей исторической родины в разные стороны.

К этому времени северное манихейство вполне укоренилось в Древнехакасском государстве – свидетельства тому содержат письменные памятники IX, а затем и X вв. В енисейских надписях встречаются термины, непосредственно заимствованные из манихейской литературы (мар, баг, ашун, асурий и др.). Сирийским словом "мар" (учитель) согдийцы называли манихейских миссионеров, так же их стали называть и древние хакасы. Например, родовитый ("сын кыргыза") судья Бойла оставил на берегу р. Селенги известную Суджинскую стелу, по тамге датируемую IX в. Из текста

проистекает, что этот вольможа был манихеем, ибо от его лица говорится: "Моему учителю (мар) я дал сто человек и удел земли" (Рамстедт Г.И., 1914, с. 49; Малов С.Е., 1952, с. 84, 85). Среди наскальных енисейских надписей IX–X вв. известны строки, отразившие основные манихейские представления о дуализме мира. Такова молитвенная запись Крес хая (Е 137): "Вложите совершенною душу (буквально: нутро)". Как известно, согласно манихейской доктрине, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа принадлежала богу Добра. Строки Хая-Бажи V и VII (Е 24) вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель. Резной текст на Городовой стене (Е 144) утверждает, что благое преумножается путем уничтожения греховного. Появляются на енисейских скалах и характерные для мировых религий формулы самоуничтожения верующего (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.) (Кызласов И.Л., 1994, с. 188–194). Позднее в древнехакасских надписях проявились черты характерной манихейской книжной орфографии (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994, с. 46–48). Нам следует помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным, только манихейство применяло, наравне с сирийским, согдийским и порожденным им уйгурским, еще и руническое письмо.

К 942 г. относится важное для понимания нашего храмового памятника сообщение арабского географа-путешественника Абу Дулафа, в течение месяца ездившего по земле древних хакасов. Он писал: "У них имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми они пишут. Они обладают разумом и сообразительностью. Светильники свои они не гасят до тех пор, пока (горючее) вещество в них не потухнет само. Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы. У них есть мускус. В году у них несколько праздников. Молятся они, обращаясь на юг, почитают Сатурн и Венеру и считают дурным предзнаменованием Марс" (Йакут ал-Хами, 1988, с. 82).

Абу Дулаф не назвал религию, которую исповедовали древние хакасы, но, судя по ряду перечисленных им признаков, единственный храм, в котором он побывал, был манихейским. Наличие храма, священного огня, особой стихотворной, т.е. ритмично организованной речи, обращение во время молитвы к югу, связь храма с письменностью и философией – все это говорит именно о манихействе. Вспомним здесь манихейский "катехизис", перечислявший необходимые компоненты святилища, учтем, что буддисты, молясь, обращались на запад или север, а христиане-несториане – на восток (Кызласов Л.Р., 1959). Манихеям особенно присущи были "мистическая таинственность обрядов, высокая художественная выразительность гимнов, покаяний и молитв, являющихся важной составной частью их обрядов" (Тугушева Л.Ю., 1973, с. 238–242). Не исключено, что арабский географ Абу Дулаф свыше тысячи лет назад имел в виду молитвенные собрания древнехакасских манихеев, проводившиеся именно в раскопанном нами храме в котловине Сорга, который он сам осмотрел.

Важно указать, что хакасы поклоняются планетам, так как именно северному манихейству был присущ, как мы видели, культ семи планет: Солнца, Луны, Сатурна, Венеры, Юпитера, Марса, Меркурия. Эти планеты предводительствовали семью днями недели и судьбами грешных людей (Bazin L., 1974, p. 494). Культ огня, так же как культ Света и Мрака, занимал в манихействе весьма существенное место (Беленицкий А.М., 1954, с. 39–67; Смагина Е.Б., 1995). В согдийском и китайском текстах упоминавшейся Орду-балыкской стелы говорится о "религии божественного Мар-Мани" как о "религии светоча огня", "истинной религии света" и т.п. (Васильев В.П., 1897, с. 23, 24; Hansen O., 1930, S. 17). Очевидно, к манихейскому культу относятся и два найденных на юге Хакасии разборных и переносных алтаря божеству Света с четырьмя чашечками-светильниками каждый (Кызласов Л.Р., 1984, с. 146; Tallgren A.M., 1937, fig. 1).

Читая сохранившиеся манихейские гимны того времени, все более убеждаемся в манихейской принадлежности храма, исследованного нами в 1972–1973 гг. Все они написаны на уйгурском языке стихами, с большой художественной выразительностью

(Тугушева Л.Ю., 1973, с. 239–242). В них упоминается приход "самой богини утра" Танг-тенгри (не для нее ли храм был распахнут входом на восток – в день весеннего равноденствия у древних хакасов начинался новый год); в них сказано: "четырем главным богам поклонимся, от четырех великих мук освободимся" (в нашем храме оказалось четыре суфы-пьедестала); в гимне проявляется сакральная роль волка: "голубым волком за тобой ходить пусть я стану" (проистекающая из исконно почитаемой котловины Сорга река называется Пююр-сух, т.е. "Волчья речка" – не повлияло ли и это на выбор места для храма?).

Манихеи любили изображать красками своих антропоморфных богов: Кюн-тенгри (Божество-Солнце), Ай-тенгри (Божество-Луна) и др. В раскопанном древнехакасском храме также обнаружены остатки своеобразной "иконки" – настенного щита с пятнами голубой краски посередине и ярко-красной в обрамлении (рис. 16, 2). Такое расположение цветов не выглядит случайным, поскольку на манихейских храмовых фресках Восточного Туркестана и Средней Азии тела антропоморфных фигур нередко окрашены синим цветом (Беленицкий А.М., 1954, с. 17, табл. IX), ибо по учению Мани "тело человека создано архонтами Мрака по подобию материального мира" (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 516). Можно полагать, что и в южносибирском храме стены были украшены живописными украшениями манихейских божеств в обрамлении цветочных гирлянд с многолепестковыми розетками (рис. 16, 1) распутившегося лотоса.

Безсомнений, с середины 60-х годов VIII в. манихейские божества стали небесными патронами Древнехакасского государства.

4. Манихейство в Южной Сибири

Таким образом, древние хакасы (кыргызы) не "остались обычными шаманистами", как полагают многие ученые. Приняв "всеобщую универсальную религию" Мани в качестве государственной, они стали "сибирскими манихеями", ибо здесь на севере среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило шаманистские культы. Специфика сибирского манихейства – тема специального исследования. Здесь же следует обратить внимание на то, что было привнесено в культуру Южной Сибири самим манихейством. Признание этого факта имеет следствием существенное изменение наших представлений об уровне развития местного средневекового общества, требует от ученых формирования нового исследовательского подхода к источникам.

Храм и выросший возле него монастырь (всегда сопутствующий крупным манихейским святыням) превратили летнюю резиденцию хакасских правителей в священной котловине Сорга не только в государственный, но и в важный религиозный, культурный центр. В храме, подобно давним установлениям согдийских городов той эпохи, должна была храниться книга законов и другие государственные регалии и ценности. В монастыре, как предписывал канон, размещалась библиотека, накапливались и переписывались на местной енисейской письменности священные книги манихеев, велось обучение грамоте, врачевание. Согдийские, уйгурские, а вслед за ними и появившиеся древнехакасские миссионеры и монахи, очевидно, уже в VIII в. немало преуспели в распространении не только официальной религии, но и государственной енисейской рунической письменности (Кызласов И.Л., 1994, с. 80–98). Ныне следует сопоставить с фактом принятия на Среднем Енисее манихейства ранее не связывавшиеся с этим особенности сибирской письменной культуры: появление именно в древности VIII в. относительно многочисленных памятников енисейского письма (эпитафийных стел у курганов культуры чаатас, предметов с надписями, найденных именно в таких курганах), обнаруживаемое по памятникам того же VIII в. влияние енисейской азбуки на облик орхонского письма уйгуров, на письменность тувинских чиков и алтайских тюрков (Кызласов И.Л., 1994, с. 80–93, 160–162, 228–230).

Очевидно, с принятием манихейства связан резкий перелом в погребальной обрядности средневековых хакасов. Культура чаатас (VI – начало IX в.) с характерными для нее каменными мавзолеями, обставленными менгирами, и с кубическими ямами-гробницами сменилась переходной тюхтятской культурой (начало IX–X в.) с захоронениями в округлых каменных оградах на дневной поверхности земли по обряду трупосожжений. Вслед за зороастризмом каноны манихейства не допускали грунтовых ямных захоронений, "дабы не осквернять благуя землю" (Бойс М., 1994, с. 22, 56, 69, 143, 144). Количество стел с руническими эпитафиями, установленных близ тюхтятских курганов, значительно увеличилось, так как с принятием манихейства резко возросла образованность местного общества (Кызласов Л.Р., 1981а,б).

Как мы видели по иноязычной лексике эпитафических памятников, а также по свидетельству Саллама-переводчика (846 г.), в Древнехакасском государстве появились люди, знающие арабский⁷, персидский, согдийский, сирийский и западнотюркские языки. Надпись на применявшемся манихеями сирийском письме эстрангело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнехакасского населения (Кызласов И.Л., 1984, рис. 3; см.: Gabain A. von, 1973, S. 164, Abb. 62, 153, 202; 1979, S. 68).

С созданием в середине IX в. единого южносибирского государства, религиозной пропагандой на Саяно-Алтайском нагорье занялись десятки манихейских бродячих проповедников-миссионеров. Их деятельность отражена во многих кратких надписях – обращениях к небу и божествам, – появившихся на скалах Хакасии, Алтая, Тувы и современной Монголии, проявилась в особенности правописания официальных памятных стел (Кызласов И.Л., 1994, с. 188–199; 1995).

Как уже говорилось, именно манихейская религия объявлялась "истинной верой", а Отец Света почитался верующими как Бог Истины (Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992, с. 511, 512). Бируни (XI в.) сообщает также, что Мани называл себя "посланником Истинного Бога" (Бируни А., 1957, с. 211).

В Южной Сибири сохранились и изобразительные памятники манихейства. В Горном Алтае на одной из скал некий путник-манихей выгравировал изображение Сатаны (рис. 16. 3). Для правильного восприятия рисунка (Кубарев В.Д., 1992, с. 94, рис. 1) достаточно сравнить его с известным описанием Царя Мрака: "Его голова – это облик льва (из пасти которого исходит огонь), который происходит из мира огня. Его крылья и плечи – облик орла, по подобию сынов ветра. (Его руки) и ноги – демоны, по подобию сынов мира дыма. Его середина – образ дракона (по подобию) мира тьмы. Его хвост – образ рыбы, принадлежащей к (миру сынов) воды" (Смагина Е.Б., 1993, с. 41, 42). По данным А.М. Беленицкого, манихеи рисовали Сатану "с головой льва, с телом дракона, с крыльями птицы, с хвостом рыбы и ногами ползающего животного" (Беленицкий А.М., 1954, с. 70).

Южносибирское манихейство развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по некоторым памятникам письменности, оно явилось знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII – начале XV вв. (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994). Период расцвета огромной единой южносибирской державы IX–XIII вв. на протяжении пяти столетий неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

Вышесказанное подтверждается еще одним важным обстоятельством. С раскрытием изучаемой темы мы, наконец-то, получаем ответ на вопрос: Почему великий азербайджанский поэт XIII столетия Низами Гянджеви в "Искандер-намэ" – "Книге об Александре" (1198–1203 гг.) – воспел благословенную "страну Хирхиз", расположенную в дальнем Северном крае"? Он придал ей черты утопического государства все-

⁷ Первый и единственный пока в рунических памятниках арабизм *āmin* "надежный, надежно", обнаружен в надписи Эль-Бажи (Е 68/1), созданной в конце VIII – начале IX вв. (Кызласов И.Л., 1998).

общего благоденствия, равенства, братства и счастья. Именно туда, в "город счастливых людей", поэт привел своего героя Александра Македонского, жаждавшего познания истины праведной жизни (Кызласов Л.Р., 1992, с. 106–107).

Согласно сущности манихейской религии, впитавшей в себя элементы зороастризма, христианства, гностицизма и буддизма, мир, как и человек, представляет собою смесь темных и светлых элементов. Чтобы освободиться от власти дьявола, человек должен очиститься от элементов зла, а для этого необходимо избавиться от власти материального начала, поэтому идеальный манихей обязан отказаться от всякой собственности. в какой бы форме она ни представляла перед ним. Он не должен был участвовать в увековечении страданий на земле. Еще сам Мани в книге "Шапуракан" (243 г.) пророчествовал: "Кто богат – будет бедным, будет просить подаяния и претерпит вечные муки". В этом – в реально существовавшей официальной манихейской доктрине Древнехакасского государства – ключ к социальной утопии Низами.

"Посланник Бога Истины", Мани предрекал: "Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны" (Луконин В.Г., 1969, с. 74–78). Так и вышло. История северного манихейства, первые страницы которой мы здесь приоткрыли, нуждается в дальнейшем пристальном изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беленицкий А.М., 1954.* Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М.
- Бируни А., 1957.* Избранные произведения. Ташкент.
- Бичурин Н.Я., 1950.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.
- Бойс М., 1994.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.
- Булатов М.С., 1988.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М.
- Васильев В.П., 1897.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. III. СПб.
- Воронина В.Л., 1953.* Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. № 3. М.
- Ибн Хордадбех, 1986.* Книга путей и стран. Баку.
- Иакут ал-Хамави, 1988.* Словарь стран // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент.
- Кубарев В.Д., 1992.* Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.
- Кызласов И.Л., 1984.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. К вопросу о денежном обращении в Древнехакасском государстве // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М.
- Кызласов И.Л., 1994.* Рунические письменности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л., 1995.* О многообразии письменной культуры Алтая в раннем средневековье // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск.
- Кызласов И.Л., 1998.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 1.
- Кызласов Л.Р., 1959.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. II. М.
- Кызласов Л.Р., 1964.* Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.
- Кызласов Л.Р., 1972.* Каменные "старушки" Хакасии // АО–1971.
- Кызласов Л.Р., 1974.* Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО–1973.
- Кызласов Л.Р., 1979.* Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р., 1981а.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Кызласов Л.Р., 1981б.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

- Кызласов Л.Р., 1981* в. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Кызласов Л.Р., 1984.* История Южной Сибири в средние века. М.
- Кызласов Л.Р., 1986.* Древнейшая Хакасия. М.
- Кызласов Л.Р., 1992.* Очерки истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск.
- Кызласов Л.Р., 1993.* Письменные известия о древних городах Сибири. М.
- Кызласов Л.Р., 1997.* Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // ВМУ. Серия 8. История. № 1.
- Кызласов Л.Р., 1998* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. № 3.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1973.* Исследования на территории Хакасии // АО–1972.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994.* Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII – начало XV вв. // РА. № 1.
- Литвинский Б.А., 1996.* Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. № 2.
- Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992.* Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.
- Лукошин В.Г., 1969.* Культура сасанидского Ирана. М.
- Малов С.Е., 1951.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.
- Малов С.Е., 1952.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
- Малов С.Е., 1959.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.
- Пугаченкова Г.А., 1954.* Хароба-кошук // Известия АН Туркменской ССР. № 3. Ашхабад.
- Рамстедт Г.И., 1914.* Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Т. XV. Вып. 1. СПб.
- Смагина Е.Б., 1993.* Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии // ВДИ. № 1.
- Смагина Е.Б., 1995.* Манихейство // Религии Древнего Востока. М.
- Тугужева Л.Ю., 1973.* Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник. 1972. М.
- Якубовский А.Ю., 1954.* Вопросы изучения Пянджикентской живописи // Живопись Пянджикента. М.
- Vazin L., 1974.* Les calendriers turcs anciens et medievans. Lille.
- Chavannes Ed. et Pelliot P., 1913.* Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique. 11 serie. T. I. № 1–2. Paris.
- Cabain A. von, 1973.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço (850–1250). Wiesbaden.
- Gabain A. von, 1979.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt.
- Hansen O., 1930.* Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XLIV. 3. Helsingfors.
- Pulleyblank E.G., 1952.* A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. V. XLI.
- Reuter O., 1938.* Parthian architecture. Sasanian architecture // A Survey of Persian Art. V. I. London; New York.
- Tallgren A.M., 1937.* Portable Altars // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XI. Helsinki.

Московский государственный университет

L.P. KYZLASOV

A MANICHEE TEMPLE LOCATED IN THE DEPRESSION SORGA

S u m m a r y

Ruins of a temple were discovered in the depression Sorga in the upper Pur-suh River in 1972–1973; they were researched by the archaeological expedition of Moscow State University. The temple had a rectangular form of 37.5 by 28.5 m. The thickness of the walls made of mudbricks at the end of the 760s

reached 2.5 m; they stood to a height of 3 m. The temple was erected on a stone rectangular platform 41 by 32.5 m and was 1.7 meters high.

The finds establish the period when the temple was open to the cult: the second half of the 8th – 10th centuries. Architectural and construction parallels confirm that the temple was built by Sogdians. Manichaeism became a state religion of this country in 763. After conquering Tuva in 750–758, Uighurs built fortresses that were linked with each other by means of the Long Wall using Sogdians as the labor force. In 758 there troops invaded Khakassia and made the rulers of this country become vassals of the Uighur kagan.

The Manichee temple in the depression Sorga was dedicated to the deity of the planet Mars and it was visited by an Arab traveler Abu Dulaf in 924. The temple and the wooden monastery turned a summer residence of the old Khakassian rulers located in the sacred depression Sorga into an important religious and cultural center. Manichaeism that brought about a cultural revolution became a state religion of the Old Khakassian state in the 8th century.

The temple upon the river Pur-suh is the first archaeologically recorded Manichee temple.